Автор: admin
06.11.2011 02:38 -

Культовые мифы культовые мифы, условное название мифов, в которых даётся объяснение (мотивировка) какого-либо обряда (ритуала) или иного культового действия. К. м. существовали, вероятно, у всех народов, хотя и не везде изучены.

Нет ни одного религиозно-магического обряда, который не имел бы эксплицитного или имплицитного обоснования в виде мифа о происхождении данного обряда. Миф, включённый в обряд, выступает как существенный элемент обряда, без которого последний не действителен.

Но эта тесная связь обряда и мифа не является двусторонней: есть много мифов, не связанных с обрядом (ср. мифы о происхождении мира, человека, явлений природы, предметов человеческого быта, брачных правил и пр.), но не существует обряда без сопровождающего его мифа.Английский этнограф Э. Тайлор и другие исследователи XIX в. полагали, что древние люди, верившие в существование духов, богов, демонов и слагавшие о них мифы, постепенно начали устраивать для их умилостивления обряды, жертвоприношения и пр. Иного взгляда придерживался У. Робертсон-Смит, английский историк религии, первым установивший приоритет культового обряда над связанным с ним мифом, который, по его мнению, в большинстве случаев представляет собой толкование и обоснование этого обряда.

К взгляду Робертсона-Смита («ритуальной теории») примкнули многие выдающиеся этнографы и религиоведы Дж. Фрейзер, А. ван Геннеп, Б. Малиновский, Дж. Харрисон, Ф. Рэглан, С. Хаймен и др. До недавнего времени вплоть до появления «структуралистской» точки зрения, провозгласившей независимость мифологии от каких бы то ни было человеческих действий (К. Леви-Строс), «ритуальная теория» занимала господствующие позиции в науке.

Хотя эта теория, в её крайней и односторонней формулировке (Рэглан, Хаймен), не может объяснить всего разнообразия мифов всех эпох и народов, в отношении собственно К. м. она подкрепляется обильным и вполне убедительным фактическим материалом.Наиболее примитивные К. м. это тотемические мифы аборигенов Австралии, сопровождающие исполнение тотемических обрядов. Исполнители обряда, выступающие в роли тотемических предков, в ходе рецитации мифа (одновременно с обрядом или позже) как бы локализуют действия предка, указывая на место его передвижения, охоты, исполнения священного обряда, ухода под землю и т. п.

Для женщин и непосвящённых текст мифа такая же тайна, как и сам обряд; в ходе посвятительных обрядов иницианту впервые сообщают содержание священных мифов.Уже на этой ранней ступени общественного и культурного развития К. м. составляют, таким образом, не просто священные, но тайные (эзотерические) знания. Вместе с тем у тех же аборигенов отмечен и другой, экзотерический, круг К. м., рассказываемых специально для непосвящённых: рассказы о страшных духах-убийцах, которые будто бы совершают инициацию мальчиков, пожирая и вновь оживляя их.

Посвящённые сами не верят в существование этих духов-страшилищ, но запугивают ими непосвящённых женщин и подростков. У других народов, примерно такого же уровня развития (огнеземельцы, бушмены, пигмеи и др.), отмечается столь же резкое деление К. м., связанных с возрастными инициациями, на эзотерические и экзотерические.

Однако скудость источников не всегда даёт возможность судить о том, к какой из этих двух категорий принадлежит тот или иной миф. Западногерманский этнограф А. Йенсен вообще не делит К. м. на эзотерические и экзотерические, а противопоставляет их в целом (как «истинные») простым «этиологическим» мифам.Типичными К. м., по сообщению Б. Малиновского, являются все или почти все мифы жителей островов Тробриан в Океании, повествующие о древних предках и тесно связанные с совершением религиозно-магических обрядов; единственный смысл их обосновать право данной социальной группы на совершение данного обряда.Яркие образцы К. м. описаны также у американских индейцев. «Песня Вабино» племени оджибва представляет собой серию мифологических рисунков, вырезанных на деревянной дощечке; пояснительный текст к ней поёт мужчина, посвящённый в ритуал тайного общества «Вабино».

У индейцев племени навахов описан сложный многодневный обряд лечения больного, включающий молитвенные обращения к божествам, изображения которых делаются на ровной площадке цветным песком (миф здесь представляет собой сложное повествование о сотворении мира и его разрушении). В Индии некоторые мифы также были связаны с культовой практикой (и, может быть, с тайными культами), многочисленные мифологические образы (богов, демонов) постоянно упоминаются при заклинаниях.В мифологиях классического Востока К. м. обычно выступают в своей типичной форме, и связь их с религиозным ритуалом не подлежит никакому сомнению.

В Египте самая богатая и разнообразная мифология была связана с культом Осириса и Исиды божеств очень сложного облика и происхождения. Почитание их принимало и чисто народные формы земледельческой обрядности, и официальные, жреческие и

государственные формы.

Сложный ритуал культа воспроизводил поиски Исидой тела убитого Осириса, скорбь и плач народа, а затем воскрешение бога и радость народа.К К. м. относят и ряд ветхозаветных эпизодов: предписание об обязательном обрезании новорождённых мальчиков (Быт. 17, 10–14), рассказ о получении Моисеем на горе Синае божьих законов и запретов (Исх. 19, 1–25; 20, 1–26 и следующие), рассказ о принесении Авраамом в жертву богу своего сына Исаака (Быт. 20, 1–18); последний может быть истолкован как обоснование ритуальной практики перворождённых сыновей.В древнем Средиземноморье аналогичный ритуал был посвящён богу растительности Аттису, о насильственной смерти которого – от дикого кабана или от самооскопления – повествовали мифы. Ритуал культа растительного божества Адониса включал в себя обязательное оплакивание его смерти женщинами, а затем ликование при его воскресении. [Ср. ритуалы, связанные с шумеро-аккадскими циклами мифов Инанна (Иштар) – Думузи (Таммуз).] Культ Диониса, связанного с виноградарством и виноделием, вмещал в себя оргиастические действия, которые соотносились с мифологическим рассказом о юном Дионисе, растерзании Диониса-Загрея титанами и последующем его воскресении.

Ещё нагляднее связь ритуала с земледельческим мифом, посвящённым богине Деметре и её дочери Персефоне, в Элевсинских мистериях (Аттика), символически воспроизводивших горе Деметры, её странствия в поисках дочери, связь между жизнью и смертью.Все эти К. м. переплетались между собой в ходе растущего средиземноморского религиозного синкретизма и создали канву, на которой в первые века нашей эры сложилось христианское вероучение. Идея смерти и воскресения божества, излагавшаяся в мифах и инсценировавшаяся в обрядах, была приурочена к биографии одного из проповедников «царства божия» в Палестине, в результате чего оформился образ Иисуса Христа, обогащённый многочисленными мифологическими чертами, заимствованными из древневосточных К. м. Дж. Робертсон, Дж. Фрейзер полагали, что всё содержание Евангелий есть в сущности К. м., повествующий в нарративной форме о ритуале: о реальном или символическом умерщвлении человеческой жертвы, страдающего и воскресающего бога.

Литература :

Фрэзер Дж., Золотая ветвь, 2 изд., в. 3, М.–Л., 1931;
Fontenrose J., The ritual theory of myth, Berk.–Los Ang., 1966;
Foucart P., Les mystères d'Eleusis, P., 1914;
Van Gennep A., Mythes et légendes d'Australie, P., 1906;
его же, La formation des légendes, P., 1910;
Harrison J. E., The religion of Ancient Greece, L., 1905;
Jensen A., Mythos und Kult bei Naturvölkern, Wiesbaden, 1951;
Robertson-Smith W., Lectures on the religion of the Semites, 3 ed., L., 1927;

Stevenson J., Ceremonial of Hasjelti-Dailjis, Wash., 1891.